

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1968 ГОДА

18—25 апреля в Ленинграде проходила сессия Отделения истории Академии наук СССР, посвященная 50-летию Ленинского декрета о создании ГАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Организаторами сессии были Отделение истории АН СССР, Институт археологии и Институт этнографии АН СССР. В работе сессии приняли участие ученые из институтов Академии наук СССР и союзных республик, университетов, педагогических институтов, сотрудники этнографических, исторических краеведческих и других музеев из различных городов союзных и автономных республик.

В настоящем сообщении будет рассказано о той части работы сессии, которую курировал Институт этнографии. На пленарных заседаниях сессии Отделения истории АН СССР были прочитаны доклады Ю. В. Бромлей (Москва) «Этническая общность и эндогамия» и В. П. Алексеевым (Москва) «Популяционная структура человечества и историческая антропология».

В своем докладе Ю. В. Бромлей основное внимание уделил проблемам этнической интеграции. Конкретный механизм, по мнению докладчика, можно понять, исходя из тесной взаимосвязи между эндогамностью этнических общностей и их устойчивостью. Устойчивость этнической общности зависит от степени брачной замкнутости. Значительное нарушение эндогамности этнической общности неизбежно влечет за собой в конечном счете коренную ее модификацию. Докладчик высказал интересные соображения о роли эндогамии в обеспечении языковой преемственности и устойчивости специфических культурно-бытовых черт этнической общности. Затем в докладе было подчеркнуто, что границы эндогамии могут определяться как географическими, так и социальными факторами; роль последних по мере приближения к современности неуклонно возрастает. Границы эндогамии, как отметил докладчик, обычно выступают также в качестве генетического барьера. Именно поэтому этнос одновременно является одним из видов популяции. Докладчик обратил внимание на то, что этнос как популяция — явление вторичное, в значительной мере производное от социальных факторов. В заключение была высказана мысль, что эндогамия может рассматриваться как дополнительный признак этнической общности.

В. П. Алексеев в начале своего доклада предложил восстановить старый термин «историческая антропология», понимая под ним совокупность антропологических знаний, из которых можно извлечь историческую информацию, вне зависимости от того, к какому периоду истории человечества эта информация относится. На протяжении последних 30 лет антропологи ввели в свои исследования учет популяционного фактора, что кардинально изменило и методiku, и методологию антропологической науки. Человеческие популяции отделены одна от другой генетическими барьерами, ставящими препятствие к распространению тех или иных генов. В человеческом обществе в качестве барьеров, помимо географических рубежей, выступают социальные факторы, в том числе этнический. В зависимости от неодинаковой интенсивности действия разных генетических барьеров существует иерархия популяций (микрорепуляции, субпопуляции, большие

популяции, демы, разные этнические и другие социальные общности). Различия между этапами этой иерархии неодинаковы на разных территориях и выражены не очень отчетливо, так как характер генетических барьеров как дифференцирующих границ не является абсолютным. Поскольку каждая ступень антропологической классификации является выражением разной интенсивности смещения генов внутри различных территориальных групп, они могут быть использованы для восстановления истории этнических общностей, входящих в состав этих групп.

За время работы сессии состоялось три заседания Ученого совета Института этнографии АН СССР. На первом В. В. Бунак (Москва) сделал доклад «Типологическое, популяционное и географическое направления в исследовании антропологического состава населения СССР». Для расоведческих исследований, как отметил докладчик, до 1930-х годов было характерно типологическое направление, исходящее из существующих в литературе расовых схем и относившее изучаемых индивидуумов к одному из известных типов. В современной антропологии преобладающим стало популяционное направление, согласно которому характерные антропологические типы выявляются по признакам с элементарной наследственной основой. Определенное распространение у нас и за рубежом имеет также географическое направление, выделяющее типы по изменению признаков и территории. Докладчик охарактеризовал значение сочетания популяционного и географического методов в антропологическом исследовании, позволяющего получить наиболее полную картину истории формирования антропологических типов и роли генетических факторов и адаптации в этом процессе.

Л. Н. Терентьева (Москва) прочитала доклад «Об определении национальной принадлежности молодежи (подростками) из национально-смешанных семей», в котором рассматривалось влияние национально-смешанных браков на процессы этнической ассимиляции¹. Тема доклада Г. С. Масловой (Москва) — «Орнамент русской народной вышивки как исторический источник».

С докладом «Итоги VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук» выступил Ю. В. Бромлей. Одно из центральных мест в работе конгресса, как показал докладчик, заняли вопросы современности, в том числе проблема соотношения в народной культуре традиции и инновации. Оживленно обсуждалась специфика включения в современную городскую культурную среду выходцев из сельских районов с архаическим или этнически отличным укладом жизни. Значительное внимание было уделено вопросам общественной организации первобытных народов. Существенное место в работе конгресса заняли проблемы этногенеза, в частности происхождения японцев. Советскими учеными были представлены также доклады по этногенезу ряда народов СССР.

Доклад С. А. Арутюнова и Ю. В. Бромлея «Япония в зеркале этнографии» прочитал С. А. Арутюнов (Москва). О работе секций и симпозиумов конгресса рассказывали советские делегаты Ю. П. Аверкиев, Н. А. Бутинов, Г. Г. Стратанович, Д. А. Олдерогге, Т. А. Жданко, И. М. Золотарева. Участие советской делегации в конгрессе, несомненно, во многом способствовало развитию научных связей с зарубежными учеными².

Были заслушаны также доклады О. И. Шкаратана (Ленинград) «О взаимодействии социальных и этнических процессов» и Л. М. Дробизевой (Москва) «Об изучении национальных установок».

22—24 апреля в Институте этнографии проходили заседания секций. Работало 9 секций, из них 5 занимались проблемами этнографии народов СССР, одна — проблемами этнографии зарубежных народов, кроме того были секции антропологии, народного искусства, фольклора и музейной работы. Этнографы и археологи кавказоведы работали совместно: заседания секции проходили в помещении Эрмитажа.

Секция этнографии славянских народов Европейской части СССР провела 5 заседаний, на которых было прочитано 15 докладов. Одно заседание было посвящено обсуждению проблем, возникающих в связи с работой над историко-этнографическим атласом Белоруссии, Украины, Молдавии.

¹ Подробнее см. статью Л. Н. Терентьевой, «Сов. этнография», 1969, № 3.

² Об итогах конгресса подробнее см. также: Ю. П. Аверкиев, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1969, № 1.

Большое внимание было обращено на унификацию используемой этнографами научной терминологии. С докладом «К вопросу об унификации номенклатуры сельскохозяйственных орудий (на материалах Украины)» выступил киевский этнограф В. Ф. Горленко.

В ряде докладов рассматривались современные этнические и культурные процессы, протекающие в зонах контакта славянских и неславянских народов. Таковы, например, доклад Е. П. Бусыгина, Н. Н. Кучерявенко, Н. В. Зорина (Казань) «Поселения и жилища русского сельского населения Правобережных районов Среднего Поволжья в пределах Татарской и Чувашской АССР»; доклад Л. Н. Чижиковой (Москва) «Использование и дальнейшее развитие народных традиций в современном жилище русских на Украине» и др.

Обсуждение доклада В. К. Бондарчика (Минск) «Этнография и краеведение в Белоруссии» показало необходимость специального совещания по проблемам развертывания краеведения в нашей стране. В связи с докладом Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) «Ленинградская этнографическая школа 20-х гг.», привлечшим внимание слушателей к периоду становления советской этнографии, была признана необходимой дальнейшая разработка проблем истории советской этнографии. На совместном заседании секций этнографии славянских и неславянских народов Европейской части СССР был прочитан доклад Н. Н. Грацианской, И. Н. Гроздовой, Т. Д. Филимоновой (Москва) «Изучение национальных меньшинств в Закарпатье».

На пяти заседаниях секции «Этнография неславянских народов Европейской части СССР» заслушан 21 доклад. Большой интерес вызвал доклад Э. В. Васильевой, В. В. Пименова, Л. С. Христюковой «Современные этнические процессы в Удмуртии (программа, методика и организация обследования 1968 г.)». Докладчики сформулировали свое понимание этнического процесса как изменения структурных компонентов (популяция, территориальное размещение, социальная структура, экономический строй, язык, быт, материальная и духовная культура, этническое самосознание, этнические черты психики и т. д.) той «относительно обособленной самовоспроизводящейся динамической социальной системы», какой является, по их мнению, этнос. Изучение этноса во время проведенного в Удмуртии в 1968 г. обследования осуществлялось в городах и селах, в основных социально-профессиональных слоях населения через изучение личности — «этнофора», по терминологии докладчиков. Выяснению подлежали: степень сохранения удмуртами своей национальной самобытности и относительная устойчивость перечисленных выше компонентов этноса. Исследование проводилось с помощью вопросника методом выборочного наблюдения.

Выступавшие в прениях, в целом положительно оценив доклад, возражали против приведенного определения этноса, отмечали разрыв между теоретическими установками авторов и их практическим воплощением (О. И. Шкаратан), чрезмерную широту поставленных задач, выражали опасение перед растворением этнографии в социологии (А. Ю. Петерсон).

Ряд докладов на этой секции был посвящен итогам экспедиции сотрудников сектора социологии Института этнографии в Татарской АССР. Обмен мнениями состоялся по сообщениям, связанным с подготовкой историко-этнографического атласа Прибалтики.

На шести заседаниях секций археологии и этнографии Кавказа было заслушано 53 доклада. Из них 18 были посвящены проблемам этнографии — материальной и духовной культуре, социальной организации народов Кавказа, древним и современным этническим процессам. При этом Азербайджану было посвящено 5 докладов, Армении — 4, Грузии — 3, Дагестану — 2, Чечено-Ингушетии — 1, Адыгее — 1 и вопросам общекавказской этнографии — 2 доклада.

В докладе Г. С. Читая (Тбилиси) «Кавказ и памятники его древней культуры» на основании данных археологии, лингвистики, этнографии доказывался тезис о самобытности и единстве древней культуры народов Кавказа. Вместе с тем автор подчеркивал наличие с древних времен широких культурных связей между Кавказом и соседними странами.

Ю. И. Мкртумян (Ереван) сделал доклад на тему «Предварительная классификация материалов по скотоводству армян для Кавказского историко-этнографического атласа и некоторые вопросы координации работ». Докладчик отметил, что картографирование скотоводства не имеет прецедента ни в советской, ни в зарубежной этнографии.

Скотоводству армян будет посвящена 21 карта. Перед составителями атласа стоит важная задача — унификации терминологии по скотоводству. Выступившие в прениях по докладу подчеркнули неразрывность связей между скотоводством и земледелием и указали на необходимость совместного изучения этих форм хозяйства армян.

Вопросам социальной организации народов Кавказа были посвящены доклады М. А. Меретукова (Майкоп) «Система родства и свойства адыгов», А. А. Исламова (Грозный) «К вопросу о пережитках матриархата у чеченцев и ингушей», Г. Д. Джавадова (Баку) «Институт взаимопомощи, связанной с сельскохозяйственными орудиями дореволюционного Азербайджана», М. А. Агларова (Махачкала) «Об ограничении собственности в обычном праве у аварцев».

Современным этническим процессам в ряде районов Кавказа был посвящен доклад Я. С. Смирновой и Г. А. Сергеевой (Москва) «Данные паспортных столов как источник для изучения национально-смешанных семей (по материалам городов Махачкала, Орджоникидзе, Черкесск)».

Секция этнографии Средней Азии и Казахстана провела три заседания, на которых было заслушано 19 докладов. Основной темой, объединившей по существу почти все доклады, было обсуждение вопросов, связанных с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. О ходе работы над атласом доложила Т. А. Жданко (Москва). В докладах М. В. Сазоновой (Ленинград), О. А. Сухаревой (Москва), Р. Я. Рассудовой (Ленинград), А. Оразова (Ашхабад), М. А. Хамиджановой (Душанбе), Н. П. Лобачевой (Москва) и др. был приведен интересный полевой этнографический материал. Другие доклады касались различных вопросов этнографии Средней Азии и Казахстана: этнической истории узбеков и туркмен, новой обрядности и сущности некоторых социально-бытовых пережитков, культуры и быта рабочего класса, ремесленного производства, традиционного жилища и прикладного искусства. Положительным моментом явилось активное участие в работе секции этнографов из Средней Азии.

Секция этнографии народов Сибири на трех заседаниях заслушала и обсудила 15 докладов. Многие доклады были посвящены современным этническим процессам у народов Севера и Сибири. Интересные обобщения собранных материалов были приняты в докладах Л. В. Хомич (Ленинград) «К вопросу о взаимовлиянии культур (по материалам Ненецкого и Ямало-Ненецкого национальных округов)», И. С. Гурвича (Москва) «Этническое развитие алеутов», В. И. Васильева (Москва) «Лесные ненцы бассейна р. Пур», Э. Л. Львовой (Томск) «Современная семья у коренного населения Среднего Чулыма» и др. Тема современности нашла также отчетливое отражение в докладах Л. В. Гребнева (Кызыл) «Изменение социальной структуры населения Тувы», Г. Н. Курбатского (Ленинград) «Национально-революционный праздник тувинского народа (1921—1944 гг.)», Ф. А. Валеева (Казань) «Некоторые вопросы современной этнографии сибирских татар», И. А. Бродского (Москва) «О Камчатской музыкально-фольклористической экспедиции 1968 г.», В. П. Монастырной (Москва) «Изучение местных особенностей традиционной одежды и бытования ее в современных условиях (по материалам поездки 1968 г. на Камчатку и Чукотку)».

На этой сессии после многолетнего перерыва работала секция этнографии зарубежных народов, которая провела четыре заседания, на них с докладами выступило 14 чел. Выступавшие рассказали о результатах своих этнографических наблюдений в Северной Эфиопии (Д. А. Ольдерогге, Ленинград), Японии (С. А. Арутюнов, Москва), на о-ве Хайнань в КНР (И. А. и Н. Н. Чебоксаровы, Москва и А. М. Решетов, Ленинград), в Иране (М. С. Иванов, Москва), в МНР (Л. Л. Викторова, Ленинград), в Камбодже (И. Г. Косиков, Ленинград).

Важное место в работе секции заняла социально-экономическая тематика. Несколько докладов было посвящено проблемам ранних форм социальной организации, рассматривавшимся на примере некоторых древних и современных народов зарубежных стран. Таковы, например, доклады Ю. В. Маретина (Ленинград) «Ранние формы социальной организации (на примере кубу, Восточная Суматра)», Н. А. Бутинова (Ленинград) «Папуасская деревня как объект этнографического исследования», С. А. Маретиной (Ленинград) «Образование сословий и классов у горных народов Ассама

(к проблеме классовообразования)», Р. В. Кинжалова (Ленинград) «Родовые пережитки в общественной организации древних майя».

Тематика работы секции была довольно разнообразной. Так, Н. А. Сыромятников (Москва) в своем докладе «Древние общие названия предметов материальной культуры и действий с ними у алтайцев, корейцев, японцев, айну, эскимосов и малайцев» попытался доказать на основе лексики не только общность происхождения корейского и японского языков в рамках древнего алтайского языкового единства, но и установить определенную степень родства языков Севера и Юго-Востока Азии (исключая синитические языки).

Г. Г. Стратанович (Москва) выступил с докладом «Религия и мораль в трудах востоковедов и этнографов на VIII МКАЭН». Как показал конгресс, интерес к этой теме громаден. Он вызван кризисом мировых религий в связи с успехами в области астрономии, космонавтики. Сама постановка вопроса о соотношении религии и морали говорит об отказе от представления о религии как монополюльно определяющей моральные нормы источнике. Это отражает реально существующие в жизни народов Азии новые линии выработки норм общественного поведения.

С интересным сообщением об экспедиции к папуасам Новой Гвинеи выступила стажер кафедры этнографии МГУ О. Гостин (Австралия).

На четырех заседаниях секции антропологии было заслушано 19 докладов. Большая часть из них содержала существенную научную информацию по проблемам популяционной генетики и палеоантропологии и этногенезу народов СССР.

Большой интерес вызвал доклад Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Новые работы по палеоантропологии Индии и проблемы связей и миграций», содержавший новые ценные сведения по археологии и палеоантропологии Индии.

Т. А. Трофимова (Москва) выступила с докладом «Череп позднего средневековья из Хорезмского оазиса и сопредельных областей». Рассмотрена серия вновь исследованных двадцати черепов, датируемая XIV—XVI вв. н. э. Эта серия позволяет ставить вопрос о выделении локальных типов расы среднеазиатского междуречья по величине емкости мозговой коробки. Рассматриваемая в докладе серия обладает крупной мозговой коробкой и по этому признаку связывается с некоторыми античными и средневековыми сериями севера Таджикистана (Фринкент) и рядом серий южной и западной Туркмении. Можно предполагать, что население Хорезмского оазиса периода средневековья генетически связано с более древним населением южных и западных областей.

Доклад на тему «Костные остатки палеолитического человека из Самаркандской стоянки» представили В. В. Гинзбург и И. И. Гохман (Ленинград). В 1962 и в 1966 гг. в процессе раскопок верхнепалеолитической стоянки на территории Самарканда археологом Д. Н. Львом были обнаружены две фрагментированные нижние челюсти, являющиеся первыми костными находками останков верхнепалеолитического человека на территории Средней Азии. Наличие на обеих челюстях развитого подбородочного выступа, единичных, хотя и крупных, ментальных отверстий, небольшой по площади коронки зубов, выраженной параболической формы зубной дуги позволяет уверенно отнести самаркандских верхнепалеолитических людей к типу *Homo sapiens*. По-видимому, можно считать доказанной принадлежность верхнепалеолитических обитателей Самаркандской стоянки к европеоидной расе.

А. Г. Козинцев (Ленинград) прочитал доклад «О происхождении антропологического типа айнов (по данным краниологии)».

С большим интересом также были приняты доклады В. П. Алексеева (Москва) «Геногеография гаммаглобулинов», И. М. Золотаревой (Москва) «Распределение некоторых генетических факторов у населения Центральной Азии», Ю. Д. Беневоленской (Ленинград) «Группы крови кетов и селькупов», А. А. Воронова (Москва) «Антропологические особенности распространения подтипов гаптоглобина».

Некоторые доклады сотрудников периферийных учреждений, оговоренных от антропологических центров, свидетельствовали о необходимости расширить информацию о современных программах и приемах антропологического анализа. В связи с этим секция внесла предложение об организации всесоюзного методического семинара по теме «Унификация программ и современные методы антропологических исследований». Подчеркивалась плодотворность научных контактов и совместных исследований с генетиками, гематологами, рентгенологами, медицинскими географами, необходимость расшире-

ния популяционногенетического и геногеографического направления в антропологии. Заседание приветствовало организацию секции антропологии при Объединенном совете по биологии человека АН СССР.

На заседаниях секции народного искусства было прослушано 15 докладов, большая часть из них относилась к искусству славянских народов.

С исторической и методической точек зрения ценным был доклад С. В. Иванова (Ленинград) «К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов»; содержательным был доклад Ю. Ф. Лашук (Львов) на тему «Фиксация и обработка научной информации при обследовании широких зон народного искусства».

Большое внимание было уделено современному состоянию народного искусства в нашей стране. В этом отношении были интересны доклады Х. Ю. Суня (Рига) «Тенденции развития бытового танца в Латвии» и М. В. Токарь (Львов) «Опыт создания народного костюма для сцены».

Выступившие в прениях рекомендовали приглашать на обсуждение таких докладов руководителей учреждений, ответственных за состояние художественных промыслов, а также театральных художников и костюмеров.

Высокую оценку дали слушатели докладу О. В. Кругловой (Загорск) «Теремковые и столбчатые прялки Ярославской области (по материалам экспедиции 1965—1968 гг.)».

Работа секции фольклора концентрировалась вокруг следующих тем: история фольклора и его жанров; новое в фольклористике; материалы фольклористических экспедиций последних лет; современные проблемы организации и методики экспедиционной работы. На шести заседаниях выступили 39 докладчиков.

Вопросам теории фольклора и методологии фольклористики были посвящены доклады В. М. Потявина (Кемерово) «Итоги программированного изучения народного песенного репертуара», И. Г. Левина (Ленинград) «Современное устройство архива в свете основных проблем фольклористики», А. С. Федосика (Минск) «Классификация и систематизация народных произведений в многотомном своде белорусского фольклора».

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад К. В. Чистова (Ленинград) «Специфика фольклора в свете теории коммуникации». Для дальнейшей разработки общей теории фольклора докладчик предложил рассмотреть механизм коммуникативного процесса (т. е. процесса передачи эстетической информации от создателя (исполнителя) к воспринимающему), который осуществляется фольклорными или литературными средствами. Для устного (или естественного) типа коммуникации, который свойственен фольклору, характерны: а) направленность информации, определенная реальная аудитория; б) синхронность исполнения и восприятия, эстетического переживания и сопереживания; в) отсутствие материального посредника между исполняющим и воспринимающим; г) наличие обратной связи между ними; д) превращение на каждом следующем этапе коммуникации воспринимающего в исполнителя, восстанавливающего текст в его звуковом, интонационном, мимическом и т. п. выражении; е) непрерывность коммуникативного процесса, который складывается из дискретных актов исполнения и в социальном смысле означает вхождение фольклорного произведения в традицию и одновременно превращение индивидуального творческого акта в обобщенный и коллективный.

К. Григас (Вильнюс) предложил в своем докладе в качестве критерия для выделения национального своеобразия и интернационального начала в пословицах и поговорках анализировать их структуру, средства поэтической образности, реалии и имена. Э. Я. Кокаре (Рига) обратила внимание на необходимость унификации принципов систематизации пословиц для удобства их сравнительного изучения. Варианты, по ее мнению, являются хранителями сведений об историческом развитии пословицы и показывают отношение к ней народа на разных исторических этапах.

Ряд докладов был посвящен проблемам историзма и происхождения народного эпоса. Так, Б. Н. Путилов (Ленинград) в своем докладе показал, что ведущиеся в наше время споры по поводу историзма были вызваны различием взглядов на происхождение и историю, художественную и историческую ценность русского народного эпоса. Вопреки концепциям исторической и неисторической школ, докладчик доказывал, что северная былина представляет собой закономерный этап в эволюции древне-

русского эпоса и является одним из величайших достижений русского народного творчества.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) в докладе «К проблеме генезиса нартского эпоса» утверждал, что из всех существующих по данному вопросу точек зрения научно обоснована теория скифо-аланского происхождения нартского эпоса.

В ряде докладов затрагивались проблемы, связанные с изучением советскими фольклористами народной несказочной прозы. Доклад Э. В. Померанцевой (Москва) был посвящен работе по записи быличек в Архангельской, Вологодской, Владимирской областях и в русских селах Прибалтики. Наряду с традиционными быличками, рассказываемыми в подтверждение какого-либо народного верования, было выявлено бытование рассказов, использующих сюжеты и образцы быличек, но дающих, в отличие от последних, реалистическое объяснение чудесных явлений и направленных на обличение суеверий.

В докладе В. К. Соколовой (Москва) «Особенности развития песенных и прозаических исторических фольклорных жанров» говорилось о том, что изучение историко-песенного фольклора русских и других народов показало, что в истории его развития наблюдается закономерная смена жанров (от ранней героической эпопеи к героическому эпосу раннефеодальных государств, историческим песням и пр.). В развитии прозаического фольклора — исторических преданий — смены жанров не происходит. Утрата веры в подлинность рассказываемого, тенденция к дополнению преданий книжными сведениями, соблюдение рассказчиком хронологической последовательности являются, по мнению докладчика, свидетельством распада жанра преданий.

В докладе М. Проодезь (Тарту «Зависимость варианта от конкретной ситуации рассказывания» рассматривался вопрос о том, какие изменения вносятся рассказчиком в рассказ, если слушателем является фольклорист — человек посторонний, не знающий местного быта, смущающий рассказчика магнитофоном и т. п.

Большой и интересный материал содержался в докладах об итогах фольклористических экспедиций последних лет. Х. М. Халилов (Махачкала) рассказал о начавшейся в 1964 г. экспедиционной работе фольклористов в Дагестане, в результате которой было выявлено наличие чабанского фольклора, записан фольклор ряда народов, как имеющих письменность, так и бесписьменных.

Н. М. Савельева (Москва) говорила в своем докладе об экспедициях в Брянскую область 1951—1968 гг., собиравших произведения музыкально-поэтического творчества своеобразного в этническом отношении населения этого края. Экспедиции обнаружили богатое и разнообразное по жанрам песенное искусство, родившееся в результате сплава элементов русского, украинского и белорусского фольклора.

В докладах и во время их обсуждения поднимались такие актуальные вопросы фольклористики, как отношение между фольклором и действительностью; сравнительно-историческая методика изучения фольклора; фольклор и этнография.

Секция музееведения имела два заседания, на которых были заслушаны 9 докладов по следующим темам: история музейного дела в России (Т. К. Шафрановская, Ленинград), знакомство с некоторыми музеями Турции (М. Н. Серебрякова, Ленинград); характеристика этнографических коллекций по отдельным народам, хранящихся в МАЭ (Т. В. Станюкович, Р. С. Разумовская, Ленинград) и ГМЭ (Н. П. Соболева, Ленинград); принципы построения экспозиций и методы хранения коллекций, разработанные сотрудниками ГМЭ (Е. С. Волухов, Н. П. Хазова и Т. П. Балтушевич, Е. Н. Студенецкая, Ленинград).

Л. С. Федорова (Донецк) рассказала об опыте создания этнографического музея при Донецком университете. Оживленное обсуждение вызвал доклад И. Ф. Шавриной (Ленинград) «Музей и школа». В принятую секцией резолюцию включено предложение посвятить работу секции на очередной сессии актуальным проблемам музейной работы (методике организации музеев на открытом воздухе и др.).

На заседаниях секций высказывались пожелания включать в программы заседаний, помимо отчетных докладов о полевой работе за прошедший год, доклады на актуальные научно-теоретические проблемы, над которыми работают этнографы (например, об этнических процессах в определенном регионе или религиозных представлениях народов определенной группы или региона). Такие доклады, возможно, следует ставить на межсекционных заседаниях.